

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ДИЛОГИЮ “РЕВОЛЮЦИЯ — РЕФОРМА” В УКРАИНЕ ЭПОХИ ДОСТИЖЕНИЯ ЕЮ ПОЛИТИКО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ

Наукові праці МАУП, 2014, вип. 1(40), с. 237–247

*Думаем – анализируем,
выносим суждения,
не приговоры.*

I. Исторические ситуативы и эпизодические теоретические рефлексии вместо вступления

Вся более или менее сознательно творимая история человечества — это результирующие итоги многочисленных революций и реформ, которые, объективно касаясь общественных дел и судеб людей, принято называть “социальными”. Они и перепахивают историческое поле жизнедеятельности людей, они же и есть локомотивные ускорители той жизнедеятельности. Кто, например, скажет, что лишены креативного смысла во всей многовековой истории Классической Антики политические реформы **Солона** и социальная революция **Спартака**? Кто возразит тезису о том, что политико-административные реформы **Ришелье** первой половины XVII в. и антиабсолютистская революция конца XVIII в. — начала XIX в. ощутило “задвинули” Францию на авангардные позиции образцово-культурного сообщества современности? А кто попытается дезавуировать умозаключение о том, что радикальные социальные реформы в Японии 60-х годов XIX в. и две разнотипные социальные революции в Китае 20-х и 40-х годов XX в. эти издревле архаически обустроенные страны динамично вывели из контекста “традиционного Востока” на передний план “современного Запада”?

На этом благозвучном фоне я поставил перед собой нештутейный патридный вопрос: А можно ли, — хотя бы и “про себя”, — что-то подобное сказать про политические реформы **Л. Д. Кучмы** и экономические реформы **Н. Я. Азарова**? А что хотя бы несколько позитивистского можно сказать об оранжевой и евромайдановой революциях? Какой они след оставили — если не во всемирной и европейской, то хотя бы — в отечественной политической истории пульсирующей современности? Для меня небезынтересным оказалось и следующее познавательное-аксиологическое самовопрошание: в какой мере состоявшиеся в суверенной Украине революциолого-реформациологические события и явления вписываются в контекст всемирной политической науки или хотя бы “как-то” рефлексиируют основополагающие концепты этой науки?

Мои ответы на эти и подобные им незрешные вопросы долго еще могли бы не лечь на бумагу, если бы в дни последней декады января сего года не произошло одно малозаметное со стороны событие... В те дни в Москве в гибко реагирующей на мировые события телепрограмме “Ток-шоу “Поединок” два вечера кряду посвятили “прояснению для России и мира” ситуации в “донельзя революционизированной Украине”.

Как обычно, дискутировали две группы оппонентов, а разводил и судил всех известный ученый и публицист **В. Соловьев**. Москву представляла солидная группа ученых и писателей, публичных политиков и депутатов Думы. Киевская группа состояла всего из четырех “экспертов” (такowymi они сами себя назвали) — из двух депутатов Верховной Рады, как бы “от официальной политики”, и двух докторов гуманитарных наук — “от общественности”... Как по мне, все спорили “по верхам”; оперировали стершимися штампами; рефлексировали лишь на поверхности явлений, событий и процессов; эмоционировали, чаще всего, на уровне обыденного сознания. Вот почему, думаю, самокритичные кулуары беспощадно обозвали москвичей “пустыми резонерами”, а киевлян — “драчливыми мушкетерами”. И — поделом. Дискурса не вышло. Наверняка, потому что диспутанты напоролись на гносеологический парадокс **Ф. Ницше**: “...Привычное труднее всего познавать, то есть трудно видеть в нем проблему...” [17, 333].

Многослойную, как кочан капусты, проблему попытался сформулировать гуманитарный профессор и думский депутат, человек с “очень украинской фамилией”, **Максим Шевченко**. Цитирую по памяти: “Нам, вашим симпатикам, просто не ясно, каковы источники и логика хода событий? Кто ставит цели и реализует программы? А есть ли, вообще-то говоря, внятно составленная и осмысленная народом революционная программа? Каким образом протекали раньше подобные революционные эпизоды и события в независимой Украине?”

После перерыва москвич (как оказалось, “бывший украинец” в третьем колене) попросил киевлян: “Вернувшись домой, сосредоточьтесь и — да на письме — ответьте внятными русским языком на вопросы: 1) какова предыстория нынешнего политического кризиса в Украине? 2) определитесь хоть про себя насчет того, что же происходит в весенней Украине 2014 года — антиправительственный кризис или политическая революция?” И (“для всех”, но — к уху одного из киевлян): 3) “Наконец, объясните, что

произошло с моими предками, со всегда толерантным народом: как он смог так низко пасть и сжег столицу; как это-то нам понять?”

Ясное дело, вопрошания москвичей адресованы всем нам. Считая себя одним из революциолого-реформациологических исследователей с немалым, сорокалетним стажем, — часть того дерзкого вызова принимаю на себя. При этом неприкрыто апеллирую к двум императивам античного мудреца Гиллея: “Если не я, — то кто же?” и “Если не сейчас, — то когда же?” В нижеизложенном тексте над всеми прочими материями преобладают не эмоциональные оценки, а теоретико-историологические акценты, — поскольку именно они “могут облегчать нашу ориентировку в совершающейся вокруг нас общественной жизни...” [12, 18].

В названии статьи, в только что приведенной цитате и в изложенном далее материале присутствует не часто обиходное в нашем дискурсе *понятие “историология”*. Оно принадлежит русскому классику, историософу **Н. И. Карееву**, книга которого, выпуска 1915 г., намеренно цитировалась. Я вырос на русской классике — досоветских и советских времен — и не стыжусь этого. Пребывая в преклоненной позиции к ней, и, в частности, к почитаемому историософу, семь десятилетий спустя (1987 г.) — и именно в монографии революциологического содержания — я отважился на следующий творческий шаг: понятие “историология” положил в фундамент нового обществоведческого метода — историологического [4, 40–45].

Уже четверть века этот метод пребывает в научно-исследовательском обороте. Чаще всего им пользуются молодые ученые — отечественные и зарубежные. Он привлекает их: а) простотой архитектоники, б) внятно-прозрачной гносеологией и в) доступной “механикой” применения в любых социально-политических исследованиях горящей современности. Эти его достоинства, в меру возможности, будут демонстрированы и в данной статье. В частности, уже с первых дальнейших страниц излагаемого материала метод подскажет прозрачные ответы на “вопросительскую триадику” темы: 1) Как прин-

ципально устроены феномены революции и реформы в качестве политических способов “затевания” в абстрактно взятой стране целостной сети социальных преобразований? 2) Каковы внутренние источники саморазвития революции и реформы в реально развертывающемся процессе социальных преобразований в конкретно данной стране? 3) Какова, как правило, скрытая от глаз система взаимосвязей революции и реформы в конкретно данной стране с другими (родственными, смежными, антагонистическими и другими) фактами, явлениями, процессами?

Речь идет далеко не об обыденных, а прямо о горячих и горящих материях. Трудно их объять так называемым “холодным разумом”. Однако, опять-таки в меру возможностей, постараюсь следовать совету мудрого и осторожного **Л. Д. Кучмы** — излагать эти материи “при свежей голове и без горящих спичек в глазах” [14, 119].

II. Опыт предварительного теоретического зондирования феноменов революции и реформы

Политическая история народов, стран, государств, а в синтезе — и человечества, периодически сотрясается соотношениями сил и тенденций в координатах диалогии “революция — реформа”. Некогда очень актуальный, пусть и несколько однобокий, советский опыт выпячивания революции и оттенения реформы “суперсуверенные” украинские элитники уже в начале 90-х годов XX в. начисто выбросили за борт. И теперь мало кто понимает смыслотекст следующей коллизии: эти нерядоположные понятия олицетворяют собой **не средства борьбы за власть, а способы реализации любых социальных преобразований** в странах любого уровня социально-экономического и политико-культурного развития.

Кстати сказать. Все ли замечают плывущую в извилах перед глазами казуистику: “еврокураторы” Украины последовательно требуют “продолжения начатых реформ по евростандартам”, а наши элитники столь же упорно подсовывают им “народную революцию”?.. Хитрецы они — и те, и эти. Все ведь

понимают: в транзитной, стихийно бурлящей стране взойти на политикумный пьедестал намного легче на гребне рукотворной революции, чем в омуте стихийных и запутанных смыслом и целью реформ...

Для простоты изложения и прозрачности стиля прибегну к биологической параллелике. Эти две эссенции — революция и реформа — в диалектическом единстве и конструктивном противостоянии являют собою воплощение **парадокса птичьего яйца**: желток и белок, никогда не смешиваясь, незримым со стороны образом взаимодействуют в дубль-ролях “цель — средство” и “объект — субъект”. В результате, новая жизнь — птенец...

Таковой, в самом общем виде, предстает нашему умственному взору и логика взаиморасположения “революции” и “реформы” в линию историко-эволюционного процесса: успешная революция плавно перерастает в реформу, дряхлая реформа — это преддверие гнилой (“запоздалой”) революции и т. д. Так или иначе, с позитивами и негативами, с успехами и поражениями результативы этого историко-эволюционного процесса переливаются в три сектора всех сфер общественной жизни людей — в их: а) **отношения**, б) институты и в их в) идеологию, или во **взгляды** людей на свои отношения и институты. Кто этой элементарной материи не понимает — **не называй себя обществоведом**, а на практическую работу в политическую сферу не иди! ...

Обратим внимание на “уже свершившийся факт”: один из секретов долголетия диалогии СССР — КПСС состоял, хотя бы и отчасти, в том, что на любую правотворческую и политико-исполнительскую работу шли только профессионалы реформистской закалки, а на политико-управленческую и идейно-надстроечную работу — только профессиональные революционологи... Как далека эта “матрица прошлой жизни” от нашей текущей практики: все управленческие профи (я не о “рулевых”, — их ведь избирает теоретически неграмотный народ!) априори называют себя “реформаторами”, а на практике зачастую проявляют себя мелкими революционаристами — ломать легче, чем строить.

А еще у нас мало кто и что четкого и полезного для нас знает об опыте мышления и практической деятельности неповторимого “революционного реформиста” **О. Бисмарка**. “Реврефдиалектика” — так он именовал современную ему марксистскую постановку проблемы соотношения революции и реформы в “производственных”, духовных и “чисто” гуманитарных отраслях жизни. Относительно Германии **Бисмарк** стал первым европейским “реврефмастером”: в 70–80-х годах XIX в. лично разрабатывал теоретические концепции и политическими средствами стремился реализовывать программы до десятка социальных реформ. Этим всем он провидчески и профессионально простимулировал последовательное реформирование огромной страны и приторможение в ней процесса разрушительных революционных потрясений на долгие годы вперед.

При проведении в жизнь самой мирной и, казалось бы, “общественно незначительной” реформы (например, широко известного “культуркампа” 1873 г.) **Бисмарк** не забывал усматривать за ней “хотя бы одну из голов гидры революции”, — то есть “маломальски ощутимые проявления древнейшей борьбы за власть, которая так же стара, как и человеческий род...” [23, 368]. Дуалистическое равновзвешивание опасностей и позитивов от революции и реформы — центральная кратологема всей политической жизни **Бисмарка**. Не случайным окажется в этом контексте и следующий эпизод: когда в 1918 г. в пораженной Германии разразилась так называемая “Веймарская революция”, **М. Вебер** заметил в своем дневнике: “Ох, и рано же умер Бисмарк...”

III. Эпизоды логического соотношения революции и реформы на политико-суверенном пути Украины

На этом фоне хотелось бы накинуть параллельный мост от бисмарковских 80-х годов XIX в. в Германии к 90-м годам XX в. в суверенной Украине. К подобному пассажи, вместо меня, концепт-вступление сделал другой мудрый немец — **Оскар Лафонтен**. В книге “Политика реформ в изменяющемся мире” (1993 г.) он “точечным образом” очер-

чивал тот же дуалитетный сюжет: “...**Революция** “ввела” Европу в современный цивилизованный мир, а спасти мир от катастрофы может одна лишь **реформа** — спокойная и последовательная, научно обоснованная и перспективно ориентированная, — и только потому эффективно вспахивающая излишне зареволюционизированную во многих странах почву...” [6, 69].

Революционизироваться в разноцветьи и в весьма динамичных темпах украинская почва начала еще после первых “реформационных раскованностей” и эволюционных импульсов от горбачевской перестройки конца 80-х годов XX в. В самом деле: идейно-политический плюрализм; многопартийность; свободные политические выборы; информационная гласность; образование, наука и публичное общение — на родном и иностранных языках; этносоциополитическое равенство народов — эти и другие “перестроечные” политологемы являют собой социопреобразовательские синтезы на гранях и революции, и реформы. С первых же недвусмысленных импульсов к политикогосударственной суверенизации Украины революция и реформа стали резонировать чуть ли не постсинхронным образом — по известной модели **А.-Дж. Тойнби–Л. Н. Гумилева**: “вызов — ответ” (“революционное событие/факт — реформационное эхо”). Вот несколько примеров из недавнего прошлого:

1. “Студенческая революция на камнях” (октябрь 1990 г.) эхом отозвалась не только фактом отставки правительства **В. Масола**, но и “Заявлением” от 3 сентября 1991 г. группы депутатов социалистической Верховной Рады Украины (**Л. Д. Кучма, И. С. Плющ, И. Р. Юхновский, Ю. И. Костенко** и др.) “Демократические реформы в Украине”. В Заявлении профессионально точно обосновывалась “необходимость построения **путем реформ** независимой страны с открытым гражданским обществом, правовым государством, рыночной экономикой и социальной защитой граждан” [6, 68]. Напомню: этот знаменательный политико-реформационный документ обнародован за три месяца до принятия памятного “Акта государственной не-

зависимости Украины”, еще в политико-государственных недрах СССР.

2. На нестандартно-революционное решение Верховной Рады Украины от октября 1993 г. — о целесообразности проведения досрочных и парламентских, и президентских выборов, преследовавших цель “ускорение процесса реформационного преобразования страны”, — экс-премьер **Л. Д. Кучма** организовал “эксперт-группу” разноспециальных профессионалов, призванных разработать научно обоснованный “Проект: “Через реформы — революционным путем к будущему”. В феврале–мае 1994 г. 80-страничный документ был готов. Доработанный вариант документа 11 октября 1994 г. был оглашен в парламенте самим **Л. Д. Кучмой** уже в качестве Президента страны. Из этого документа и поныне черпают вдохновение и аргументы как ортодоксы, так и оппоненты концепции политико-государственной Независимости Украины.

3. В доконституционные 1994–1995 гг. из разных регионов и точек геополитического пространства страны в адрес правящего политика колючей чередой шли антиреформистские и четко пропатерналистские инвективы, дайте нам: а) или демократическую “навсегда” Конституцию, б) или “хотя бы на время” по-европейски либеральный закон об оппозиции. Большей частью, эти призывы/требования исходили из западноукраинских местностей, геополитически ближе расположенных к Центру и Западу Европы, чем к столичному Киеву.

Несколько месяцев до того, ставши легитимным Президентом, **Л. Д. Кучма** оказался в некоей неуютной ситуации: в выше-названном долгосрочном документе (“Через реформы — революционным путем...”) Президент всех стал призывать “к работе на себя”, к консолидированному строительству страны, к модернизации общественных отношений и институций и т. д. А как к этому стал относиться народ? Суровый публицист и на этот счет недавно реалистически констатировал: “Больше всего на свете мы боимся того, что к власти придет человек, который сам станет что-то делать и будет заставлять рабо-

тать других” [3, 19]. Вот, оказывается, каких революционных индальгенций стал для себя требовать невластобязанный народ...

Тонко и масштабно мыслящий, хотя и не гуманитарий по образовательному профилю, **Л. Д. Кучма** из нелегкой ситуации нашел нешаблонный выход. Да еще, чуть ли не по **Р. Декарту**: “...На истину натолкнется скорее отдельный человек, чем целый народ” [11, 271]. И на этот раз (в ноябре 1994 г.), как и раньше и позже, — апелляция к науке, к интеллекту и разуму людей: в считанные дни “для теоретического зондирования и проблемы, и политической ситуации” — была организована “инициативно-исследовательская группа” профессионалов различного профиля. На первой же встрече с группой Президент огласил установку: “Ознакомившись с научным состоянием дела, шлите сигналы к разуму даже самых фальшивых революционеров, и пусть они сами растолкуют массам ситуацию, дабы люди резонно умолкли на счет своих завышенных требований к властям, и пусть и массы, и революционеры начинают реформировать свой образ мышления и действия в своей, теперь подлинно независимой стране”. (Эти дневниковые записи от ноября 1994 г. в сокращенном виде я опубликовал в августе 1999 г. [6, 82].)

На той же встрече **Л. Д. Кучма** аналитическую группу сориентировал в следующем квадрате задач: в пятимесячный срок следовало бы: 1) как можно тщательней изучить мировой опыт теоретического осмысления “политико-оппозиционистской проблемы”; 2) подготовить и провести международную научную конференцию по широкой теоретико-практической оппозиционистской проблематике; 3) по оппозиционистской проблематике разработать соответствующий законопроект для последующего его представления в парламент на законотворческую легитимацию; и, наконец, 4) для широкомассового осмысления проблемы написать и растиражировать “научно строгую на сей счет книгу”. В обозначенном квадрате задач на всех этапах я пребывал в гуще дел, сосредоточившись на соавторстве упомянутого законопроекта и на выпуске в свет доселе

уникальной по охвату освещения проблемы научной книги [18].

Названные выше пятнадцатилетней давности наработки до сих пор лежат втуне. Особая обида хватает за горло, когда речь заходит об упомянутом законопроекте о политической оппозиции, — как оказалось, текст перводокумента до сих пор пребывает в “апробационном портфеле” парламента. Еще хуже обстоят дела вокруг **опозициологической компоненты концепции политической реформы** в стране. “Знание — сила”, — писал **Ф. Бэкон**. Думаю, великий мудрец согласился бы и с такой антиномией: “...а народное незнание — просто страшная негативная сила”. Последнее, убежден, сковывает мышление и действия и правоохранителей, и конструктивного большинства в парламенте, и соответствующих звеньев исполнительной власти, а также жутко дезориентирует революционно настроенный на улице народ. Относительно последней билатерии, как оказывается, уже есть диспозиция **О. Бисмарка**. В мае 1847 г. почти в аналогичной ситуации он отмечал: “безответственное мышление и поведение политической оппозиции” обуславливает **“бессмысленное верхоглядство массы**, для которой самые солидные аргументы ничего не стоят в сравнении с банальными и напыщенными фразами [оппозиции]” [23, 35].

4. Между двумя “блуждающими/блудливыми точками” — квазиобщественными движениями “ЗаУБК” (“За Украину без Кучмы”, с весны 1999 г.) и “ЗаУ, заЮ” (“За Украину, за Ющенко”, до осени 2003 г.) — подспудно и камуфляжно, латентно и апатридно решалась важная коррелятивная революциолого-реформациологическая и политико-сослагательного свойства проблема: для более успешного развития страны, как следовало бы поступать с Конституцией 1996 г., — творчески реформировать в ней **форму политического правления страной** или революционно переделать ее “под кого-то”, или “под завтрашнюю модернизируемую страну”? Стержень противостояния Президента-реформиста и революционной оппозиции, как объяснял коллизию сам **Л. Д. Кучма** в

специальном обращении к народу от 3 марта 2003 г., — “переход страны к принципиально новой для Украины политической системе — парламентско-президентской” [19, 3].

В отточено изложенном законопроекте под эгидой “На всенародное обсуждение” (от 6 марта 2003 г.) и в Специальном Обращении к стране оппозиционерам предлагалась к осмыслению давно апробированная в цивилизованных странах Запада и Востока **линейная политико-кратологическая триада**: а) народ избирает парламент — б) партийные фракции формируют парламентское большинство — в) парламентское большинство формирует правительство [19, 4]. Однако оппозиционеры “не заметили” этого реформационистского подарка судьбы — они готовились к своей революции... А я вернусь к историологии того времени.

С августа 2002 г. и до марта 2003 г. несколько парламентских комиссий и групп незаангажированных профессионалов ломали копья вокруг концепта о соотношении двух нерядоположных понятий — **“разделение политических властей”** и **“распределение полномочий политических властей”**. Однако, с тех пор и по сей день этот вопрос так и остался недоосмысленным обществом и недопроясненным в политических науках, служа “основанием для затевания” многих политических конфликтов и даже предметом обсуждения нескольких “моделей” конституционной реформы. Однако, экс-президент уже тогда, десять лет тому назад, вскрыл основную ошибку (может, умышленно и до сих пор подогреваемую “недопонятку”?) тогдашней оппозиции: самое политическую реформу оппозиционеры “понимали, по большей части, примитивно, — как чисто арифметическое перераспределение полномочий, как нечто вроде: забрать и поделить” [19, 3]. И все же, именно в такой, дегенеративной форме реформа “блестяще прошла” 8 декабря 2004 г.

5. Уже в самом начале короткого “помаранчевого” этапа текущей политической истории в координатах обсуждаемой диалогии волевые “заюзюки” переместили акценты — с “вяло текущей реформы” на майдановое

выдавливание из народного долготерпения “молниеносной революции”. Результаты последней известны. Вчерашние оппозиционеры, ставши властью, революционными методами: а) стали зомбировать “маленьких українців” неограниченными возможностями “евростандартизировать жизнь” в евразийской стране; б) северо- и юговосточных “обруселых” украинцев стали называть “злодейскими врагами породившей их нации”; в) насильями над правоохранительской системой замышляли “каскад” досрочных парламентских выборов; г) при всяком удобном случае подручные СМИ/СМК стали объявлять “особой/отдельной ветвью политической власти” и т. д. Диалектика жизни такова, что посеянные тогда отравленные злаки сомнительные урожаи дают уже на полях нынешней народной революции.

Особо негативной “реформации” стали подвергать *сугубо политическую сферу общественной жизни*. В праксеологии этой проблемы вообще трудно сформулировать даже какое-либо законосообразное умозаключение. Тут просто не действовало (отчасти и до сих пор не действует) никакое законосообразие, — ни научное, ни правовое, ни этическое, — его просто стали подменять *политическим целесообразием*. На государственной практике — метаморфозы: технаря-цифирника и врача-педиатра — в вице-премьеры по гуманитарной политике; на законотворческую работу в парламентский комитет по правам человека — сатирического поэта и лирического баритона, в комиссию по межнациональным отношениям — футболиста и артиста комического жанра и т. д.

Я уже не говорю о приевшейся практике поствыборного “коалиционизма” в процессе формирования внутрипарламентских структур (фракций, комитетов, комиссий, групп и др.) и межпартийных правительственных команд. Все эти “реврефдиалектизмы” очень уж напоминали катерининскую русскую практику второй половины XVIII в., когда легким жестом крепостника француженку-губернантку “отдавали в жены” конюху Про-

хору, непослушную артистку Волкову “наказывали кухней”, а “Вольгера, не спрашивая имени, брили/стригли в фельдфебели”... Наверняка, не случаен такой эпизод последней фазы той псевдонародной революции: 23 августа 2009 г., в момент, когда подуставший от дел Президент отдыхал где-то на Канарах, — тем временем в знойном Киеве “парад Независимости” принимала “народный парламентарий” **Баба Параска**, при тихо улыбавшимся в бороду вице-премьеру **Д. В. Табачнике** — единственном официознике на том “празднике жизни”... Словно в такт и тон моим мыслям рядом стоявший публицист, который издавна ведал о моих революциологических изысканиях, подытожил наше наблюдение: “Может, это и есть настоящая народная революция?” — спросил он в абстрактный эфир, явно не ожидая моего ответа...

По прошествии более четырех лет я до сих пор пребываю под впечатлением приведенной типологической “пятки” моего знакомого. Вернувшись ко дням нынешним, уже себя допрашиваю: “А нынешняя, майдановая, а прежние революции на политико-суверенном украинском поле — они все тоже “народные”? А каких еще типов бывают вообще революции? Неужели все они — “локомотивы истории” (**К. Маркс**) и “праздники угнетенных” (**В. И. Ленин**)? А локомотивы и праздники ли они вообще? Эти же незрешные вопросы в равной мере относятся и к феномену реформы.

IV. Немного теории в ретроиориологической призме

Диалогия “революция — реформа” как политико-теоретический феномен возник в многосмысловую эпоху религиозно-этической Реформации, первых буржуазно-демократических революций XVI–XVII вв. в Нидерландах, Великобритании, Германии и других европейских странах, а также в результате осмысления людьми итогов великих географических и научных открытий на пороге Нового времени. Однако, далеко не сразу они стали объектом научного внимания и предметом теоретического исследования, — это стало фактом лишь на рубеже XVIII и XIX вв.

Первый добротный материал для анализа представили: 1) политический опыт революций сначала в США, а затем во Франции последней четверти XVIII в.; 2) серии наполеоновских войн начала XIX в. (в ходе которых, как бы “попутно”, решались и некоторые революциолого-реформациологические проблемы); 3) серии демократических революций “нового поколения” в середине XIX в. (в том числе и в некоторых западноукраинских землях), получивших романтическое название “весны народов”; и, наконец, 4) этнообъединенческий опыт ряда стран 50–70-х годов XIX в. (Румынии, Австро-Венгрии, Италии, Германии), когда практически да “полевым образом” апробировались многие фундаментально значимые и до сегодня революциолого-реформациологические вопросы.

Полоса времени от 1820-х до 1870-х годов отмечена первыми исследовательскими позитивами, извлеченными из анализа революциолого-реформациологического опыта многих на тот момент развитых стран и народов со стороны **А. де Сен-Симона, А. де Токвиля, Ж. Мишле, Ф. Деака, Ф. Энгельса, О. Бисмарка, К. Реннера, В. И. Ленина, К. Каутского, Н. И. Кареева, Ф. Мильерана** и др. С их легкой руки да с конца XIX в. добытые *революциолого-реформацио-логические знания малопомалу стали синтезироваться в емкий раздел всемирной политической науки*. К сожалению, в суверенной Украине этот политологемный раздел до сих пор почему-то “не принято” изучать.

Последнее тридцатилетие — от середины 1980-х годов и до начала 2014 г., — в Украине, как и на всем постсоветском пространстве, отмечено невообразимым негативизмом по отношению к революции и реформе как к неотъемлемым креативизмам современной цивилизации. Это — некий род интеллектуального атавизма, коим духовная и политическая история прошлого не была так зримо заряжена, как у нас сегодня. Скажем так: мыслимо ли было бы “чисто” отрицательно-остракистское отношение к: 1) религиозно-этическим реформам **М. Лютера** и

политико-административным реформам **Ж.-А. Ришелье**, или к 2) социальным революциям в США и Франции конца XVIII в., или к 3) модели политического переворота в Испании и Китае конца 30-х и конца 40-х годов XX в.? Немыслимо, поэтому в солидной части стран мира люди — на теоретическом и обыденном уровнях общественного сознания — издавна научались в контекстах своего конкретного времени: а) сопрягать “объективно присущее” и “субъективно привитое”, б) в мышлении своем различать “аналитическое” и “оценочное”, в) в специфических коллизиях, говоря евангельским языком, отделять плевелы от зерен и овец от козлиц [Матв.: 13, 24–30; 25, 31–30]. Обобщенней говоря да поближе к теме пребывая, можно подытожить и так: теоретическая мысль просвещенного Запада научилась между революцией и реформой видеть “грань не мертвую, а живую, подвижную, — такую, которую надо уметь определить в каждом отдельном конкретном случае” [15, 167].

А мы? Когда мы этому мировоззренческому филигранизму научимся? Думаю, не скоро. Как по мне, есть тут три обстоятельства политико-психологического характера. **Первое.** Некое бестелесное обожествление “мудрого и толерантного народа, который уже не нуждается в революциях и реформах” и в знаниях об их историческом назначении. Показательны на этот счет два факта: 1) в середине 1990-х годов из школьных и вузовских учебников были изъяты упоминания о революциях и реформах в прежней Украине; 2) когда в конце XX в. тихий и смирный историк-правовед представил к изданию брошюру об отношении многих народов мира к революции и реформе, его сначала обсмеяли, потом подсказали исследовать “народный бунт” в чисто абстрактном смысле; когда же он представил к публикации уже увесистый том по “плебсологии”, его просто лишили материальной поддержки к публикации. Не знаю, какой ценою, но ему в 2008 г. (при поддержке одного гуманиста-филантропа) книгу все же удалось издать [21].

Второе обстоятельство более сложного свойства. Некие мудрецы примерно однотысячную коллекцию социально-политических революций во всемирной истории разделили на две группы: на “правильные”, не “плебсологические”, а подлинно “народные революции”, и на “поддельные революции сверху” [10]. В соответствии с этим, довольно диким взглядом на историю, в украинской политической истории нашли лишь две “правильные революции” и несколько достойных упоминания “простонародных бунтов”.

На основах подобного “открытия” начались бестолковое оплевывание итогов и уроков Октябрьской революции 1917 г. и горбачевской “революционной перестройки”, неумные адмиральские в адрес революции 1648–1654 гг. под водительством **Б. Хмельницкого**, а также в адрес оранжевой революции 2004–2005 гг. под водительством **В. Ющенко**. Эти фальши годы и годы отравляют политическое сознание и социодивизиационные ориентации многих поколенческих и профессиональных групп не только титульных украинцев, но и этноменьшинских народов-соотечественников. Я все эти и подобные неадекватности перманентно ощущаю на примерах многих поколений приемов/выпусков своих студентов-политологов всей эпохи политико-государственной независимости Украины.

Последнее, **третье обстоятельство** — особого политико-информационного свойства. На ранее указанном насквозь ложном патриотизме да на иностранных деньгах 4–5 вузов/факультетов языково-коммуникативного профиля ежегодно в последние 8–10 лет выпускают до сотни — с виду — “не чистых филологов”, которые оседают в аппаратах телеканалов, информационных центров, газет, журналов, электронно-технологических компаний и др. Заметно и то, что многие из них оседают в аппаратах соответствующих министерств и ведомств, ведущих телеканалов и бесцензурных газет/журналов. Некоторая часть из них без ложной краски на фотолицах объявляют себя “политологами”, “политтехнологами” и “политэкспертами”, а еще некая их частичка на

всех парламентских легислатурах начала XX в. оказалась “народной депутацией”.

Самым позорным для них является словоблудская трактовка понятия “власть”, когда из него начисто изымается компонента “депутаты-оппозиционеры” (а они ведь — представители ветви законодательной власти!) То же относится и к препарациям с понятиями “украинский народ” и “народы Украины”. Если питаться только подобной информацией, — никогда не поймешь, почему в военно-гражданских конвульсиях ныне корчится вся страна.

(Продолжение следует)

Литература

1. Березовский Б. Мой Майдан Незалежности. — К.: БУИ, 2007. — 208 с.
2. Брайович С. М. Карл Каутский: эволюция его воззрений : Пер. с серб.-хорв. — М.: Прогресс, 1982. — 308 с.
3. Бузина О. Революция на болоте. — К.: Арий, 2010. — 288 с.
4. Варзарь И. М. Соотношение внутренних и внешних факторов в процессе развития социалистической революции. Теория и методология проблемы в свете ленинизма. — К.: Вища шк., 1987. — 270 с.
5. Варзарь І. М. Політична етнологія як наука: історіологія, теорія, методологія, праксеологія. — К.: Школяр, 1994. — 224 с.
6. Варзарь И. М. Идеино-теоретические основы государствосозидающей политики Л. Д. Кучмы (Научно-публицистические очерки о Президенте Украины). — К.: Українські пропілеї, 1999. — 148 с.
7. Варзарь І. Держава і народ-етнос в політологічному дискурсі / Вибране. — Кн. 1. — К.: Фада-Лтд, 2003. — 592 с.
8. Варзарь І. М. Проблема співвідношення етноісторичної нації, політичної нації та політичного класу в історії політичної думки Європи Нового та Новітнього часів: теоретико-історіологічні синтези // Наук. часопис НПУ ім. М. П. Драгоманова. — Серія 22: Політ. науки та метод. викладання соціально-політ. дисциплін. — Вип. 1. — К.: Вид-во НПУ ім. М. П. Драгоманова, 2009. — С. 22–38.
9. Варзарь І. М. Політична етнологія: Пропедевтичний курс. Авторський підручник. — К.: Персонал, 2011. — 354 с.

10. Вебстер Х. Неста. Всемирная революция. Заговор против цивилизации: Пер. с англ. — К.: Серж, 2001. — 290 с.
11. Декарт Р. Избранные произведения: Пер. с франц. и лат. — М.: Мысль, 1950. — 486 с.
12. Кареев Н. Историология (Теория исторического процесса). — Пг.: Тип-я М. М. Стасюлевича, 1915. — 318 с.
13. Каутский К. Путь к власти. Политические очерки о вращении в революцию: Пер. с нем. — М.: Госполитиздат, 1959. — 150 с.
14. Кучма Л. Про найголовніше. — К.: АТ "Книга", 1999. — 351 с.
15. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. — Т. 20. — М.: Политиздат, 1969. — 468 с.
16. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. — Т. 21. — М.: Политиздат, 1969. — 710 с.
17. Ницше Ф. Веселая наука: Пер. с нем. — М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. — 576 с.
18. Політична опозиція: теорія та історія, світовий досвід та українська практика / Відп. ред. І. М. Варзар. — К.: Реклама, 1996. — 224 с.
19. Проект Закону України "Про внесення змін до Конституції України". — На всенародне обговорення. — К.: Преса України, 2003. — 76 с.
20. Рассел Бертран. Власть. Новый Социальный Анализ: Пер. с англ. — К.: Стэп-К, 1996. — 224 с.
21. Скригонюк М. Плебсологія як філософсько-правове вчення. — К.: ПАРАПАН, 2008. — 764 с.
22. Уоддис Д. "Новые" теории революции: Пер. с англ. — М.: Прогресс, 1975. — 528 с.
23. Чубинский В. Бисмарк. Биография. — СПб.: Образование — Культура, 1997. — 528 с.
24. Эйнштейн А. Собрание научных трудов. — В 4-х т.: Пер. с нем. и англ. — Т. 2. — М.: Наука, 1967. — 408 с.
25. Landes D. Richesse et pauvreté des nations. — P., 2000.
26. Skocpol T. États et revolutions sociales. — P., 1995.

Концептуально, а не емоціонально, інтерпретирована несколько призабытая с советских времен проблема диалектического соотношения социальной революции и социальной реформы в процессе цивилизационной модернизации страны. Центральная и формообразующая мысль статьи: революция и реформа – не целесообразные средства борьбы за политическую власть, а политические способы организации социальных преобразований. Революция и реформа исследованы в качестве определенно длительных процессов, а не мимолетных актов и ситуативных эпизодов. Из некоего, условно взятого, цикла революций и реформ, апробировавшихся в суверенной истории Украины, для более пристального анализа взяты глубинные политические реформы конца XX – начала XXI вв. и экономические реформы начала 2010-х годов, а также краткостадийные оранжевая и евромайдановая революции, – что бы о них ни говорили легкие на слово публицисты и zaangażированные оппоненты.

Диалогія "революція – реформа", як теоретичний концепт, давно вже покинула сторінки наукових праць. Попри те, на поверхні поточної політичної практики ця діалогія "опредмечується" таким неврозумливим чином, що Україна опинилася у фокусі найалармістських світових подій сьогодні. У статті соціальна революція та соціальна реформа розглянуті не як доцільні "інструменти" у процесі чиєїсь боротьби за політичну владу, а як політичні засоби організації усемисливих соціальних перетворень в усіх сферах і галузях суспільного життя країни. В якості "емпіричного матеріалу" для аналізу взято дві пари номітетів з контексту діалогії, – політичні реформи кінця XX – початку XXI ст., а також короткофазні помаранчева революція рубежу 2004–2005 рр. та евромайданова революція рубежу 2013–2014 рр.

This article, conceptually not emotionally, interprets a problem, somewhat forgotten from the Soviet times, of dialectic correlation of social revolution and social reform in the process of civilizational modernization of the country. The central and morphogenetic conception of the article is as follows: revolution and reform are not efficient means of struggle for political power, while they are political strategies of undertaking the social changes. Revolution and reform are investigated as unequivocally time-consuming processes, not impermanent acts and situational episodes. From any – conditionally taken – cycle of revolutions and reforms, approbated in sovereign history of Ukraine, profound political reforms end of XX – beginning of XXI centuries and economic reforms beginning of 2010th, as well as shortstaged Orange and Euromaidan Revolutions were taken for more detailed analysis, – no matter what the “easy-word” publicists and motivated opponents say about them.

Надійшла 3 березня 2014 р.